На правах рукописи

Поздеева Галина Петровна

ОСОБЕННОСТИ ЧИСЛОВОГО СОГЛАСОВАНИЯ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Специальность 10.02.02 - Языки народов Российской Федерации
(самодийские языки - селькупский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре Языков народов Сибири факультета иностранных языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: **Ким Александра Аркадьевна**
доктор филологических наук, профессор кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета

Научный консультант: **Норманская Юлия Викторовна**
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института Языкознания Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Кондратьева Наталья Владимировна**
доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания УдГУ

Решетников Кирилл Юрьевич
кандидат филологических наук, доцент РАНХиГС при Президенте РФ

Ведущая организация: ФГБОУВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Защита диссертации состоится 3 марта 2015 года в 12:30 на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 при Институте языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1 и на сайте Института языкознания РАН http://iling-ran.ru.

Автореферат разослан «__»_____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук Е.М. Девяткина

Настоящая диссертация посвящена анализу и изучению трех видов конструкций: 1) «количественное числительное (>2) + существительное и глагол»; 2) «количественное числительное ‘2’ + существительное и глагол»; 3) «существительное, обозначающее парные предметы + глагол» в диалектах селькупского языка в сопоставлении и сравнении с северносамодийскими языками, а также попытке реконструкции праселькупских и прасамодийских стратегий распределения грамматического числа имен существительных и глаголов при согласовании.

Актуальность проведенного исследования. В настоящей диссертации впервые предлагается системная многоуровневая синтаксическая реконструкция стратегий согласования существительных и глаголов с числительными.

Цель работы: изучение, анализ конструкций с количественными числительными и существительными, обозначающими парные предметы, в селькупских диалектах и последующая реконструкция стратегий согласования по категории числа имен существительных и глаголов в праселькупском, анализ полученных данных с точки зрения внешнего сравнения с другими самодийскими языками.

В соответствии с целью исследования в работе были выполнены **следующие задачи:**

1) верификация общепринятой системы диалектного членения селькупского языка на материале полевых записей архива А.П. Дульзона;

2) сплошная выборка конструкций с количественными числительными и существительными, обозначающими парные предметы из архива А.П. Дульзона (центральные и южные селькупские диалекты), текстовых материалов в ОчСЯ (том 2) (северный (тазовский) диалект), ранее неопубликованных текстовых данных из архива Л.А. Варковицкой (1941) (северный (баишенский) говор), а также материала экспедиционного полевого исследования автора (июнь 2011) (нарымский диалект);

3) внешнее сравнение полученных данных по селькупскому языку с полевыми данными по типам согласования имени существительного и глагола в указанных конструкциях в северносамодийских языках;

Источники. В представленном диссертационном исследовании привлечены данные тех диалектов, по которым нам был доступен обширный текстовый материал: тазовский и баишенский (северная группа), иванкинский (с. Иванкино), кетский (с. Усть-Озерное) (южная группа), нарымский (д. Тюхтерево) и тымский (с. Напас, с. Парабель) (центральная группа).

Основой для проведения сравнительного анализа с целью реконструкции фрагментов прасамодийских стратегий числового маркирования имени существительного и глагола в трех типах рассматриваемых нами конструкций послужили данные по северносамодийским языкам (нганасанскому, энецкому и ненецкому), любезно предоставленные нам (М.К. Амелиной, А.Б. Шлуинским, В.Ю. Гусевым).

Теоретическая новизна работы состоит в разработке и применении концептуального подхода, ранее не использовавшегося в сравнительно-историческом финно-угроведении и самодистике, – построение многоуровневой синтаксической реконструкции, которая строится на основе тщательного анализа правил согласования числа имен существительных и глаголов в трех видах конструкций в отдельно взятых диалектах селькупского языка, и позволяет вывести те или иные правила согласования на праязыковой уровень.

Теоретическая значимость представляемой работы. Полученный нами результат интересен не только для специалистов по уральскому языкознанию, но и для исследователей по сравнительно-историческому языкознанию и типологии как пример метода реконструкции стратегий выбора того или иного грамматического числа имени существительного.

Практическая значимость работы:

1) В диссертации мы предлагаем новую классификацию диалектов селькупского языка, которая может быть использована в последующих научных исследованиях по селькупскому языку.

2) Предложенная нами методика многоуровневой синтаксической реконструкции, а также полученные в итоге исследования результаты дают возможности для выявления еще нерешенных задач по синтаксису в самодистике и основания для использования этой методики при описании и исследовании синтаксиса в языках мира.

Основные методы исследования.

Реконструкция стратегий согласования для праселькупского и прасамодийского уровней проводилась с помощью сравнительно-исторического метода.

Кроме того, на протяжении всего исследования использовался метод сплошной выборки данных, языкового материала, необходимого для сравнительно-сопоставительного анализа и верификации, реконструкции праязыковых синтаксических форм.

В ходе полевой экспедиции при сборе данных по диалектам использовалась традиционная методика полевых исследований, а именно: наблюдение, документирование и обработка языкового материала при помощи технических средств, опрос информантов.

На защиту выносятся следующие **положения:**

1) В середине и конце XX в. иванкинский диалект занимал промежуточное место между центральными и южными диалектами.

2) Материалы собранные в селе Напас можно разнести по разным диалектным группам. В полевых записях с. Напас зафиксированы массивы слов с «южной» и «центральной рефлексацией», распределенные по отдельным томам полевых записей. Это произошло в результате расселения селькупов в 1930-40-е г.г. в из приобской части в бассейн Тыма.

3) Последовательная синтаксическая реконструкция позволяет

продемонстрировать возможности выведения нетривиальных фрагментов конструкций на праселькупский уровень.

4) Внешнее сравнение полученных данных по селькупскому языку с полевыми данными диалектов ненецкого, энецкого и нганасанского языков показало, что ряд правил согласования в указанных конструкциях прослеживается не только во всех диалектах селькупского языка, но и в северносамодийских и поэтому должен реконструироваться и для прасамодийского языка.

Апробация работы. Результаты работы апробировались на следующих научных конференциях: X Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (Томск, ноябрь 2010г.); XXVI международной научной конференции «Дульзоновские чтения» (Томск, июнь 2011г.); 6-ых Тенишевских чтениях в Институте языкознания РАН (Москва, май 2012г.); 4-ой международной конференции по самодистике (Гамбург, октябрь 2012); XXVII международной научной конференции «Дульзоновские чтения» (Томск, июнь 2014г.)

По теме исследования опубликовано четыре работы, три из которых – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Общий объем публикаций составил 2,6 п.л.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка сокращений, списка томов полевых записей по селькупскому языку архива А.П. Дульзона и списка информантов. Обший объем работы – 280 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы; указываются цель и задачи исследования; дается общая характеристика языкового материала, послужившего источником для научного исследования; определяется методика исследования, научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава «История вопроса» состоит из двух разделов: «Категория числа имен существительных в языках различных типов» и «Общая характеристика морфологических способов выражения категории числа имен существительных в северносамодийских языках».

В первом разделе главы дается краткий обзор исследований категории числа в языках разных типов. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что понятие количества получает неодинаковое отражение в грамматической категории числа в языках различного строя. Об этом свидетельствуют факты ряда языков, в том числе и языков коренных народов Сибири, сопоставляемые в настоящей работе.

Второй раздел данной главы посвящен анализу морфологических способов выражения категории числа имени существительного в северносамодийских (ненецком, энецком и нганасанском) языках с целью выявления их общих признаков и различий.

1) В языках самодийской подгруппы грамматическое число представлено тернарной оппозицией.

2) Единственное число существительных не оформлено особым суффиксом.

3) Двойственное число оформляется в ненецком *–х’/-г’/-к’;* в энецком – суффиксами *–хы’*/- *гы’;/-кы’*; в нганасанском *–гəй/-кəй.* Данные формы восходят к прауральскому **-ka/*-kä*, которые возводятся к числительному **kakte* ‘два’.

4) Показателем множественного числа в ненецком и нганасанском языках является глухой гортанный смычный *–’’,* в энецком – переход ударения.

Вторая глава «Новый взгляд на диалектное членение селькупского языка. Категория числа имени существительного в диалектах селькупского языка» состоит из двух разделов: «Верификация общепринятого диалектного членения селькупского языка. Новая диалектная классификация» и «Общая характеристика категории числа имени существительного в диалектах селькупского языка».

В первом разделе этой главы нами предпринята попытка верификации общепринятой диалектной классификации селькупского языка. Существуют

различные классификации диалектов селькупского языка той или иной степени детализации. Ряд выдающихся ученых-лингвистов занимались исследованием и разграничением диалектов селькупского языка [Castren 1885; Donner 1924; Прокофьев 1935; Hajdu 1968; Dulson 1971; Janurik 1978; Морев 1978; Katz 1979; Хелимский 1985; Беккер, Алиткина, Быконя, Ильяшенко 1995].

Для верификации существующих диалектных классификаций в предлагаемой диссертации были проанализированы полевые данные, представленные в томах архива А. П. Дульзона, сказки из «Очерков по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 2» [ОчСЯ 1993], сведения «Северноселькупского словаря» Е. А. Хелимского [http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary] и диалектологического словаря селькупского языка (северное наречие) [ДССЯ 2010], текстовые материалы архива Л. А. Варковицкой [В.Л.А.:1941] с учетом набора диалектно-дифференцирующих признаков, разработанных Е. А. Хелимским [Хелимский 1985:42-58]. Для анализа селькупских словоформ были привлечены только восемь признаков, которые оказались наиболее релевантными для нашего материала:

1) Согласно первому диалектно-дифференцирующему признаку, в диалектах селькупского языка для обширного класса основ и грамматических формантов с носовыми и смычными согласными в ауслауте установлено следующее соответствие: С - *m/-p, (~-ø), -n/-t (~-ø), -ŋ/-k (~-ø),* Ц *–p,-t, -k,* Ю *–m,-n,-ŋ*;

2) Рефлексы интервокального *-*ŋ*- , которые соотносятся следующим образом: С -*ŋ*- Ц -*γ*- Ю *ø*;

3) Рефлексы интервокального *-*m*- по схеме: С -*m*- Ц, Ю –*w*-;

4) Соответствие С Ц *ś* – Ю *s*, связанное с переходом * *ś* > *s* в южных диалектах;

5) Развитие *s> *h, χ* и **ps* > *f* , которое является отличительной чертой нарымского диалекта (в нашем случае, он представлен населенным пунктом Тюхтерево);

6) Согласно М. А. Кастрену, Т.В. Лехтисало и Е.А. Хелимскому [Castren, Lehtisalo 1960:100-101; Хелимский 1984а:45] в ряде слов ПС *j- отражен в южноселькупском не в виде *t′* или *č́*, а как *k*;

7) Соответствие С - *t p k q*; Ц, Ю - *d b g ǥ* в интервокальном положении;

8) Свободное варьирование *t′* и *č́* в части говоров всех трех основных диалектных подразделений [Katz 1979а:106; ОчСЯ:131; Деннинг 1981:161].

Результаты анализа селькупских словоформ по диалектно-дифференцирующим признакам представлены в следующей таблице и позволяют сделать следующие выводы:

Таблица № 1

	1. С - *m/-p, (~-ø), -n/-t (~-ø), -ŋ/-k (~-ø),* Ц *–p,-t, -k,* Ю *–m,-n,-ŋ*	2. С *-ŋ-;* Ц-*γ;* Ю *ø*	3. С *-m-* Ц, Ю *–w-*	4. С Ц *š́* – Ю *s*	5. С Ю *s* – Ц *h*	6. С, Ц *t′ č́* - Ю *k*	7. С - *t p k q;* Ц, Ю - *d b g ǥ*	8. Ю *t′* - С Ц *č́*
С (таз. баиш.)	+	+	+	+	+	+	+	+
Ц (Напас)	+/- (23, 47)	+	+	+/- (47)	+/- (18, 23, 47, 54)	+/- (18)	+	+/- (9, 18, 47)
Ц (Тюхт)	+	+	+	+	+	+/(-)	+/(-)	+
Ю (У-О)	+/- (4, 36, 45)	-	+	-	+	+	-/(+)	+
Ю (Иван)	-/(+)	-	+	-	+	+	+/-	+

1). В середине и конце XX века второй (С *-ŋ-;* Ц-*γ*; Ю – *ø*) и четвертый (С Ц *s̑* – Ю *s*) критерии различия южных и центральных диалектов перестали существовать. В южных диалектах была зафиксирована рефлексация, свойственная центральным диалектам.

2). В XX в. южные и центральные диалекты различались по первому (С - *m/-p, (~-ø), -n/-t (~-ø), -ŋ/-k (~-ø),* Ц *–p,-t, -k,* Ю *–m,-n,-ŋ),* пятому (С Ю *s* – Ц *h*), шестому (С Ц *t′ c̑* – Ю *k*) и восьмому (Ю *t′* - С Ц *c̑*) признакам. Но оказывается, что по этим признакам южные диалекты не образуют единого массива. По первому признаку в иванкинском диалекте зафиксирована рефлексация, совпадающая с центральными диалектами, а в кетском – «южная рефлексация». По пятому, шестому и восьмому признакам рефлексация в иванкинском и кетском диалектах совпадает и отличается от «центральной». Можно сделать вывод, что в середине и конце XX в. иванкинский диалект занимал промежуточное место между центральными и южными диалектами.

3). В словаре [Alatalo 2004] отмечено, что полевые записи из архива А. П. Дульзона, сделанные в с. Напас, фактически принадлежат как к центральному, так и южному диалектам, но конкретный материал, изоглоссы, подтверждающие эту гипотезу, не приводятся, как не уточняются и номера томов, в которых содержится материал по южным и центральным говорам с. Напас. Проанализированный нами материал показывает, что по первому (С - *m/-p, (~-ø), -n/-t (~-ø), -ŋ/-k (~-ø),* Ц *–p,-t, -k,* Ю *–m,-n,-ŋ),* четвертому (С Ц *s̑* – Ю *s*), пятому (С Ю *s* – Ц *h*), шестому (С, Ц *t′ c̑* - Ю *k*) и восьмому (Ю *t′* - С Ц *c̑*) признакам в записях с. Напас зафиксирован массив слов с «южной» и «центральной рефлексацией». Интересно, что южные говоры с. Напас демонстрируют более архаичные южные черты, чем иванкинский диалект, который по сравнению с записями XIX в. по первому, второму и четвертому признакам отходит к центральным, и даже более архаичным, чем кетский диалект, который совпадает с центральными по второму и четвертому признакам. Южные говоры с. Напас единственные из диалектного континиума в XX века по четвертому признаку (С

Ц *ś* – Ю *s*) сохраняют архаичную южную рефлексацию. Наш анализ показал, что есть тома (18, 23, 47) с записями, сделанными в с. Напас, в которых представлены практически исключительно южные говоры. Есть тома со смешанными записями (9, 54). В остальных зафиксированы центральные говоры с. Напас. Это объясняется тем, что опрошенные информанты (Югина И.Ф., Тагаев Д.Н., Тагаева Е.Т., Кайдалова А.Д., Сагандукова Е.И.) не являлись коренными жителями с. Напас. В период расселения селькупов они переехали из приобской части в бассейн Тыма в 1930-50е г.г.

Для нашего исследования важными являются результаты, полученные для говоров с. Напас и с. Иванкино. Стало ясно, что языковые материалы, собранные в с. Напас, следует анализировать по томам, а полевые записи из с. Иванкино стоит рассматривать в отрыве от материалов из с. Усть-Озерное, т.е. не относя иванкинский говор к южным диалектам, а считая промежуточным между южными и центральными.

Согласно полученным результатам было предложено новое деление материалов по диалектам, используемое нами далее в диссертации, представленное в таблице № 2:

Группы диалекто	**Северные**	**Центральные**			**Промежуточный (южно-центральный)**	**Южные**	
Названия диалектов и населенных пунктов	Тазовский ОчСЯ том 2; Северноселькупский словарь Е.А. Хелимского; ДССЯ (2010); архив Л.А. Варковицкой 1941г.	Нарымский (Тюхтерево) архив А.П. Дульзона, текстовые материалы «Нарымские сказки»	Нарымский (Парабель), сказка «Про черного царя», ПМА 2011	Тымский (Напас) архив А.П. Дульзона тома 2, 9,10, 19, 20, 22, 40, 54 текстовые материалы	Иванкинский (Иванкино) архив А.П. Дульзона, текстовые материалы «Кетские сказки» (1966)	Кетский (Усть-Озерное) архив А.П. Дульзона; текстовые материалы «Кетские сказки» (1966)	Тымский (Напас) архив А.П. Дульзона тома 2, 9, 18, 23, 47, 54

Во втором разделе данной главы приведен подробный обзор научных исследований категории числа и имени числительного в диалектах селькупского языка, а также проводится верификация морфологических показателей числа и падежных показателей диалектов селькупского языка общепринятой парадигмы склонения имени существительного.

В данном разделе для сравнения и верификации результатов общепринятых морфологических показателей числа и падежных показателей селькупского языка приводятся сводная таблица общепринятой парадигмы склонения имени существительного [СРДС 2005:320] и сводные таблицы, которые демонстрируют числовые и падежные показатели по каждой диалектной группе и конкретно населенному пункту нашего исследования: северная группа диалектов – тазовский диалект и баишенский говор; центральная группа диалектов – нарымский диалект (д. Тюхтерево, с. Парабель) и тымский диалект (с. Напас); промежуточная группа диалектов – иванкинский говор (или диалект) (с. Иванкино); южная группа диалектов – кетский диалект (с. Усть-Озерное) и тымский диалект (с. Напас).

В конце раздела дается краткий обзор степени изученности имени числительного в диалектах селькупского языка

Третья глава «Анализ текстовых и полевых данных по типам согласования имен существительных и глаголов в рассматриваемых конструкциях в самодийских языках. Попытка реконструкции праселькупских стратегий употребления числовых форм имени существительного и глагола» состоит из *трех разделов*: «Количественное числительное (>2) + существительное и глагол», «Количественное числительное ‘2’ + существительное и глагол», «Существительное, обозначающее парные предметы + глагол» в диалектах селькупского языка в сопоставлении и сравнении с северносамодийскими языками.

В *первом разделе* третьей главы рассматриваются и изучаются конструкции с количественными числительными (>2) в диалектах селькупского языка, а также приводится попытка выявления правил согласования количественных числительных с именами существительными и глаголами.

Анализ теоретической литературы по интересующей нас тематике показал, что в современном языкознании существует ряд научных исследований по

изучению согласования количественного числительного и имени существительного в языках мира.

По данным А.А. Зализняка уже в древненовгородском диалекте отмечалось различное маркирование существительных при количественных числительных [Зализняк 2004:-168]. Однако, в то время появляется тенденция к унификации формы существительного при числительных *дъва*, *три* и *четыри* ивозникает особая грамматическая ситуация, при которой набор словоформ, употребляемых с числительными *три*, *четыри*, не полностью совпадает с набором словоформ именительного падежа множественного числа.

В поверхностно-синтаксическом описании русских числовых выражений вида «Числительное (Num) + существительное (S)» [Мельчук 1985], объектом рассмотрения являются количественные выражения в русском языке. И. А. Мельчук выделяет четыре основных класса морфологического оформления существительного. По его мнению такие факторы как, тип числительного, падеж всего числового выражения в целом, одушевленность/неодушевленность и род существительного; является ли существительное pluralia tantum и др. – влияют на форму, как существительного, так и числительного в конструкции «Num+ S» [Мельчук 1985:167-169].

Более значимыми с точки зрения типологии категории числа в языках мира, являются исследования Г. Корбетта [Corbett 2000]. В научном труде «Number» [Corbett 2000] рассматриваются различные числовые системы языков мира и языковые иерархии, приводятся виды возможных согласований, типы несоответствий и причины, воздействующие на согласование имени и предиката.

В разделе «Согласование с количественными выражениями на примере славянской группы языков» исследуются возможности согласования и число внутри количественного именного словосочетания. На примере анализа языкового материала славянской группы языков Г. Корбетт приходит к выводам:

- чем больше (выше) числительное, тем большая вероятность согласования конструкции в единственном числе;

- чем меньше (ниже) числительное, тем большая вероятность семантического согласования.

В монографиях Н.М. Терещенко «Синтаксисе самодийских языков» (1973), Е.В. Грушкиной в «Очерках по селькупскому языку. Тазовский диалект» [ОчСЯ 1980:370] и Н. Г. Кузнецовой в работе «Грамматические категории южноселькупкого глагола» [Кузнецова 1995:181] поднята проблема употребления и неединообразности согласования количественных числительных и имени существительного, однако каких-либо четких правил употребления той или иной конструкции авторы не приводят.

В настоящей диссертации в III главе была предпринята попытка провести анализ текстовых записей из архива А. П. Дульзона (по южным и центральным диалектам), ОчСЯ (по тазовскому диалекту) и полевых материалов из архива Л. А. Варковицкой (1941) (по баишенскому говору) для выявления всех возможных стратегий согласования существительных и глаголов с количественными числительными (>2) и сформулировать правила выбора той или иной стратегии.

Отобранные текстовые данные были распределены согласно диалектному делению языкового материала, приведенного во второй главе (2.1.). Результаты проведенного анализа представлены в следующей таблице:

Таблица № 3

Конструкция с КЧ (>2) + сущ. и глагол	сев.		нарым.	тым. (центр)	иван.	тым. (юж)	кет.
	баиш.	таз.					
сущ. PL гл. PL	+	-	+ (одуш)	+ (одуш)	-	+ (одуш)	+ (одуш)
сущ. PL гл. SG	+ (одуш)	-	-	-	-	-	-
сущ. SG гл. PL	+ (одуш)	+ (одуш)	+ (одуш)	+	+ (одуш)	-	+ (одуш)
сущ. COR+PL гл. PL	+ (одуш)	-	-	-	-	-	-
сущ. DU гл. SG/PL	+ (одуш)	-					
сущ. SG гл. SG	+ (одуш)	+ (одуш)	+	-	+	+	+
сущ. SG и СИС SG/ СИС с нулевым	-	-	+	+	+	-	+

глаголом связкой							
сущ. SG (не в позиции субъекта)	+	+	+	+	+	+	+
сущ. PL (не в позиции субъекта)	-	-	-	-	+ (‘дети’ *elмад-ла* и ‘рубли’ *мунг-ла*)	-	-
Исключения:			-сущ.PL (не в позиции субъекта)	сущ.PL (не в позиции субъекта)	сущ. (‘камни’ *пö-ла-т)* PL и глагол SG		

Опираясь на данные, приведенные в таблице, для праселькупского языка были реконструированы те стратегии, которые присутствуют в двух наиболее рано разошедшихся диалектных группах северной и южной или центральной:

- имя существительное сочеталось с количественным числительным в форме SG и PL;

- в конструкциях с количественным числительным глагол мог иметь два числа: SG/PL; форма глагола PL возможна только при согласовании с одушевленным существительным в прямом падеже;

- форма глагола SG могла быть как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными;

- существительное SG (не в позиции субъекта).

Следовательно, имя существительное не зависимо от падежа и принадлежности к одушевленным предметам могло сочетаться с количественным числительным (>2) как в SG, так и в PL. Следует заметить, что принадлежность имени существительного к одушевленным предметам сказывалась на числе глагола. Так форма глагола PL зафиксирована при согласовании только с одушевленными существительными в NOM.

Архаичность употребления глагольной формы PL при согласовании с одушевленными существительными в этой конструкции была подтверждена и данными других самодийских языков. Для сравнения и сопоставления стратегий

согласования существительных и глаголов в конструкциях с числительным были привлечены уже имеющиеся данные по энецкому, нганасанскому и ненецкому языкам [Терещенко 1947; 1956; Языки народов СССР 1966], а также материалы, предоставленные нам специалистами, занимающимися полевыми исследованиями северно-самодийских языков (М. К. Амелина – ненецкий, А. Б. Шлуинский – энецкий, В. Ю. Гусев – нганасанский).

В результате анализа примеров данной конструкции в самодийских языках выявлены следующие стратегии согласования, представленные в таблице № 4:

сущ./глагол	нганасанский	энецкий	ненецкий	прасселькупский
SG/SG	+	+	+	+
SG/PL	+ (одуш)?	+ (одуш)?	+ (одуш)?	+ (одуш)?
PL/PL	+ (одуш)?	+ (одуш)	-	+ (одуш)
сущ.SG (не в позиции субъекта)	-	+	+	+
сущ.PL (не в позиции субъекта)	-	+	-	-

Итак, для прасамодийского языка были реконструированы следующие стратегии согласования в конструкциях с числительным (>2):

- одушевленное существительное PL + глагол PL;
- существительное SG + глагол SG;
- одушевленное существительное SG + глагол PL;
- существительное SG (не в позиции субъекта).

В северносамодийских языках любое имя существительное могло принимать формы как SG, так и PL. Общей с прасселькупским языком является закономерность: глагольная форма PL зафиксирована при согласовании с одушевленными существительными.

Во *втором разделе* третьей главы рассматриваются и изучаются конструкции с количественным числительным ‘2’ и существительным, для выявления всех возможных стратегий согласования.

Проблема употребления данной количественной конструкции в селькупском языке представлена исследованиями А. И. Кузнецовой [Кузнецова 2001] и О. А. Казакевич [Казакевич 2001, 2005]. Данные публикации рассматривают изменения в грамматической категории числа (категории двойственности) на материале северного (тазовско-туруханского) диалекта, которые происходили на протяжении последних пятидесяти лет прошлого столетия.

Сравнивая две синхронные системы, материал полевых записей Л. А. Варковицкой 1940-х г. и полевой материал 1990-х гг., (собранный в том же говоре, где собирались и тексты Л. А. Варковицкой (с. Фарково Туруханского района Красноярского края), А. И. Кузнецова выделяет три группы примеров, демонстрирующих разнобой в сочетаниях числительного ‘2’ с существительным и глаголом [Кузнецова 2001:218]:

1) С числительными *šitty* и имя, и глагол стоят в DU в архаических (обычно шаманских) текстах 1941 г. В текстах 1998-99 гг. два имени, каждое из которых стоит в SG. координируют с глаголом в PL.

2) В текстах 1941 г. в сочетании *šitty* + существительное в DU глагол чаще бывает в PL. Форма DU, обычно употребляется с одушевленными существительными *šitty qumoqy* ‘два человека’ и др. В текстах 1998-99 гг. DU имен существительных отсутствует, как и у глаголов.

3) При числительном *šitty* существительное далеко не всегда стоит в DU: оно может иметь и форму SG: Если в текстах 1941 г. подобные примеры встречаются вперемешку с существительными в DU, то в материалах 1998-99 гг. сочетание числительного *šitty* с существительным в SG становится нормой: *šitä qup* ‘два человека’, *sitä utol* ‘две руки-твои’ и т. п. [Кузнецова 2001:219].

Анализ текстов Л. А. Варковицкой в синхронном срезе показал, что категория двойственности как числовая категория постепенно разрушалась и сближалась с категорией собирательности. К концу века двойственное число

фактически исчезло. Реликты его сохранились лишь в полузастывших формах числительного с лично-собирательным значением.

Той же точки зрения о разрушении дуалиса на окраинах тазовско-туруханского диалекта придерживается и О. А. Казакевич [Казакевич 2005:393-396], рассматривая некоторые лексические и грамматические способы выражения квантитативности в фольклорных текстах на четырех говорах северного диалекта (верхнетолькинском, среднетазовском, верхнетазовском и баишенском) селькупского языка, записанных на протяжении XX в.

В настоящей диссертации мы предприняли попытку сравнить материалы стратегий согласования существительных и глаголов в числовых конструкциях у северных селькупов с практически неописанными данными об этих конструкциях у южных и центральных селькупов.

Также как и в предыдущем разделе этой главы, отобранные текстовые данные архива А. П. Дульзона (по южным и центральным диалектам), тексты ОчСЯ (том 2) (по тазовскому диалекту) и архива Л. А. Варковицкой (по баишенскому диалекту) были распределены согласно диалектному делению языкового материала, приведенного во второй главе (2.1.) и были выявлены следующие разновидности согласования:

Таблица № 5

Конструкция с количественным числительным ‘2’	таз.		нарым.	тым. (центр)	иван.	тым. (юж)	кет.
	В.Л.А	ОчСЯ					
сущ. DU гл. DU	+ (одуш)	+ (одуш)	-	-	-	-	-
сущ. DU гл. SG	+ (одуш)	+ (одуш)	-	-	-	-	-
сущ. DU гл. PL	+ (одуш)	-	-	-	-	-	+ (одуш+ с.связи)
сущ. SG гл. PL	+	-	-	-	-	-	+
сущ. SG гл. SG	+ (одуш/исключ. тарелка)	+	+	+	+ (одуш/ исключ. ‘год’	-	-
сущ. SG + СИС SG	-	-	+	-	-	-	-

сущ. SG гл. DU	-	-	+ (одуш/ лицо)	+ (одуш/ лицо)	-	+	-
сущ. SG (не в позиции субъекта)	+	+	+	+	+	+	+
сущ. SG гл. DU/PL	-	-	-	-	+	-	-
сущ. SG/DU/PL гл. PL	-	-	+ (одуш/ лицо)	-	-	-	-
Исключения:	сущ.DU (не в позиции субъекта)			сущ. SG +гл. PL	1.суш. /гл.DU; 2. сущ. ‘рубль’ PL		

Для прасельkупского языка реконструируются следующие стратегии:

- форму DU в конструкциях с числительным ‘2’ могло иметь только одушевленное существительное в прямом падеже, с ним глагол согласовывался в PL;
- форму SG могло иметь любое существительное вне зависимости от одушевленности и падежа. С существительным в SG глагол мог иметь форму любого числа SG/DU/PL.

Таким образом, одушевленное существительное не в позиции субъекта и неодушевленное существительное могли иметь форму только SG. А одушевленные существительные в прямом падеже могли иметь как форму DU, так и SG. Правило выбора формы в этом случае пока не удается установить.

Интересным представляется тот факт, что во время сплошной выборки примеров из архива А.П. Дульзона, на полях тома 5 (стр. 814-815), который был записан Г. К. Вернером и А. П. Дульзоном. в с. Усть-Озерное и н.п. Марково в 1962 г., обнаружена запись-наблюдение: «Двойственное число образует лишь узкий круг существительных, и только обозначения людей, причем один из них должен быть моложе, когда же близнецы, то не обязательно». Данное наблюдение лишний раз подтверждает нашу гипотезу о взаимосвязи двойственного числа и одушевленности предмета.

Интересно, что в северном vs., южных и центральных диалектах прасельkупские стратегии согласования стали развиваться в двух

противоположных направлениях. В северном произошло расширение сочетаемости существительных в DU в конструкциях с числительным ‘2’, они стали сочетаться с глаголом в любом числе. В южных и центральных диалектах, напротив, существительное в форме DU в этих конструкциях практически выходит из употребления и сохраняется лишь в кетском диалекте и в виде редких архаичных форм в иванкинском диалекте. Архаичность же употребления именно одушевленных существительных в этих конструкциях в форме DU подтверждается и данными других самодийских языков.

Для внешнего сравнения стратегий согласования существительных и глаголов в конструкциях с числительным ‘2’ были привлечены данные по энецкому, нганасанскому и ненецкому языкам[1] и в результате анализа были выявлены следующие прасамодийские стратегии согласования имени существительного и глагола в конструкциях с количественным числительным ‘2’, представленных в таблице № 6:

сущ./глагол	нганасанский	энецкий	ненецкий	прасельkупский
SG/SG	+ (одуш.)?	+	+	+
SG/DU	+	+	+ (одуш.)	+
SG/PL	-	1 искл.	1 искл.	+
DU/DU	+ (одуш.)	+ (одуш.)	+ (одуш.)	_
DU/PL	-	-	-	+ (одуш.)
сущ.SG (не в позиции субъекта)	-	+	+	+
сущ.DU (не в позиции субъекта)	-	+	+ 1 искл.	-
сущ.PL (не в позиции субъекта)	-	1 искл.	-	-

Для прасамодийского языка реконструируются следующие стратегии согласования в конструкциях с числительным ‘2’: только одушевленные

[1] Информация об источниках приведена в введении.

существительные могли иметь в этих конструкциях форму DU. Форму SG могли принимать любые существительные. Интересно, что как в прасселькупском, так и во всех северносамодийских языках сохраняется эта закономерность: одушевленные существительные в прямом падеже в конструкциях с числительным ‘2’ могли принимать как форму DU, так и форму SG.

В *третьем разделе* данной главы рассматриваются конструкции с существительными, обозначающими парные предметы в диалектах селькупского языка и приводится попытка выявления правил согласования данного типа существительных с глаголом.

Результаты кратко можно представить в виде нижеследующей таблицы № 7:

Существительное, называющее парные предметы + глагол	сев.		нарым.	тым. (центр)	иван.	тым. (юж)	кет.
	баиш.	таз.					
сущ. PL гл. PL	-	-	-	-	+	-	-
сущ. PL гл. SG	-	-	-	-	-	-	+
сущ. PL+ СИС PL/ СИС с нулевым глаголом связкой	-	-	-	-	+	-	-
сущ. SG гл. SG	+	+	+	+	+	+	+
сущ. SG + СИС SG/ СИС с нулевым глаголом связкой	+	-	+	+	+	-	+
сущ. SG (не в позиции субъекта)	+	+	+	+	+	+	+
сущ. PL (не в позиции субъекта)	-	-	-	-	+	-	+
Исключения:	сущ PL+ гл SG		сущ SG + гл PL	сущ PL+ глPL			сущ PL + глPL
	сущ SG + гл PL						сущ SG + гл PL

Для прасселькупского языка надежно реконструируются две стратегии:

- существительное, называющее парные предметы SG + глагол SG;

- существительное, называющее парные предметы SG + СИС SG/ СИС с нулевым глаголом связкой;
- существительное, называющее парные предметы SG (не в позиции субъекта).

Следовательно, в прасельkупском языке имя существительное, называющее парные предметы, всегда употреблялось в SG, независимо от падежа. Форма SG была типична также и для глагола.

Далее, для подтверждения архаичности употребления в данной конструкции формы SG, как для парного существительного и глагола SG, были привлечены данные других самодийских языков[2] и выявлены следующие стратегии согласования в конструкциях с наименованиями парных предметов для прасамодийского языка:

Таблица № 8

сущ./глагол	нганасанский	энецкий	ненецкий	прасельkупский
SG/SG	+	+	-	+
DU/DU	+	-	-	-
DU/PL	+	-	-	-
PL/PL	+	+	+	(+)
сущ.SG (не в позиции субъекта)	+	+	+	+
сущ.DU (не в позиции субъекта)	+	+	-	-
сущ.PL (не в позиции субъекта)	+	+	-	-

- существительное SG + глагол SG;
- существительное SG (не в позиции субъекта);
- существительное PL + глагол PL.

В северносамодийских языках имя существительное, называющее парные предметы могло иметь формы как SG, так и PL. Общей с прасельkупским языком является закономерность: сущ. SG + глагол SG. Возможно, стратегия сущ. PL +

[2] Информация об источниках приведена в введении.

глагол PL также является общей для прасамодийского (данная стратегия выявлена на материале с. Иванкино и с. Усть-Озерное, и, следовательно, можно предположить, что она является прасселькупским архаизмом).

В **Заключении** показано, что в результате проведенного исследования были получены следующие выводы:

Во второй главе диссертации на материале архива А. П. Дульзона, собранного в 60-90-ые года XX века была уточнена существующая классификация диалектов селькупского языка.

В третьей главе диссертации был проведен полный анализ материала конструкций с числительными и парными словами по 4 группам диалектов (северная – тазовский диалект и баишенский говор; центральная группа – с. Напас; д. Тюхтерево и с. Парабель; промежуточная – с. Иванкино и южная группа диалектов – с. Усть-Озерное и с. Напас тома 18, 23), который позволил реконструировать прасселькупскую систему употребления числовых форм существительных и глаголов в рассмотренных нами конструкциях. С помощью данных, любезно предоставленных нам (М.К. Амелиной – ненецкий, А.Б. Шлуинского – энецкий, В.Ю. Гусева – нганасанский) реконструированы нетривиальные фрагменты прасамодийской системы правил употребления различных форм существительных в конструкциях с числительными и существительными, обозначающими парные предметы.

На примере проделанной реконструкции видно, что ряд нетривиальных правил согласования последовательно прослеживаются не только во всех диалектах селькупского языка, но и в северносамодийских языках и восстанавливаются для прасамодийского уровня. Это касается конструкций с числительным ‘2’, в которых формы DU у существительных появляются только при описании одушевленных существительных во всех самодийских языках и диалектах и конструкций с числительными (>2), в которых формы PL у глагола появляются только при описании одушевленных существительных. Таким образом, проведенное исследование показывает принципиальную возможность

нетривиальной синтаксической реконструкции для прасамодийского уровня. Возможно, дальнейшие полевые исследования рассмотренных конструкций в финно-угорских языках позволят реконструировать новые особенности согласования и для прауральского уровня.

Список сокращений:

В.Л.А. – текстовые материалы архива Л. А. Варковицкой (1941-42г.г.) по баишенскому говору

ПМА 2011 – полевые материалы автора, собранные в с. Парабель Парабельского района Томской области (июнь 2011)

СИС – составное именное сказуемое

COR – суффикс связи

DU – dual, двойственное число

Num – числительное

PL – plural, множественное число

S – существительное

SG – singular, единственное число

Сокращения названий языков и диалектов:

баиш. – баишенский говор

кет. – кетский диалект

нарым. – нарымский диалект

С – северная группа диалектов

таз – тазовский диалект

тым. – тымский диалект

Ц – центральная группа диалектов

Ю – южная группа диалектов

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1) Поздеева Г.П. Микрополе нулевого количества в структуре функционально-семантического поля количественности в диалектах селькупского языка. // Язык и культура. Томск: 2012, № 1 (17). С. 18-28.

2) Поздеева Г.П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение. // Урало-алтайские исследования. Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 2013, № 1 (8). С. 20-34.

3) Поздеева Г.П. Конструкции «существительное, обозначающее парные предметы + глагол» в диалектах селькупского языка. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013, № 12 (30). С. 161-165.

4) Поздеева Г.П. Микрополе нумеральности и способы его выражения в селькупском языке. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010, № 3 (7). С. 119-125.